

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПО СЛЕДАМ ОГНЕПАЛОГО...

Николай Клюев как будто о себе писал: “Ты, жгучий отпрыск Аввакума, // Огнём словесным опалён...” Вот этот клюевский *словесный огонь* словно опалил и критика Сергея Куняева, когда он писал биографию олонецкого поэта, рассказывая о его трагической судьбе. Увы, именно такова судьба любого подлинно русского национального писателя. Книга вышла в самом конце 2014 года в издательстве “Молодая гвардия” в серии ЖЗЛ.

Я, клюевский земляк, давно уже ждал этой книги, понимая, что после книги о Сергее Есенине Сергей Куняев с неизбежностью должен написать о творчестве его наставника – последовательного русского мистика Николая Клюева.

Есть хорошие книги, которые и пишутся быстро, и читаются быстро. Но поэтический талант Николая Клюева предназначен для медленного чтения, постепенного постижения. Потому и биографию Клюева Сергей Куняев писал достаточно долго, и читается она медленно, словно время русского духа остановилось, давая нам возможность проникнуть в его суть. Через поэзию Клюева постигаешь и народную русскую культуру.

Он сам по себе – редчайший русский народный тип, вышедший из древнего старообрядческого рода. Мать его, Прасковья Дмитриевна, была сказочницей, молитвенницей и с самого детства напитала будущего поэта всеми богатствами староверческой северной культуры. И меня с детства поражала насыщенность народной северной культуры явно не северными, санскритскими, восточными, индийскими образами. Откуда эта Белая Индия взялась в стихах Николая Клюева?

И эту загадку пытается разгадать Сергей Куняев в своей книге о Клюеве. В этом и трудность изучения Николая Клюева: он, как никто другой, своим творчеством повязан со всей древней русской культурой – не оторвать. Изучая творчество Клюева, Сергей Куняев, естественно, изучал и староверчество, и суфизм, и русский фольклор, и индийскую мифологию. Даже Сергея Есенина, на мой взгляд, можно изучать как отдельное явление, занимаясь же Клюевым, приходится копаться глубже.

Клюевщину в двадцатые-тридцатые годы выжигали по всей Руси. Не столько боялись влияния Сергея Есенина, выпускали и книги других поэтов Серебряного века, но *клюевщину* истребляли калёным большевистским железом. Николай Клюев ещё в 1919 году написал своим “братьям-большевикам” пророческие слова, которые так важны и сегодняшней России: “Направляя жало пулемёта на жар-птицу, объявляя её подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое

могло бы утолить художественный голод дремучей чернососной России”. Он и сам вышел из недр этой дремучей чернососной России, которую так ненавидели комиссары всех мастей и национальностей.

Поэтому и читал я книгу о своём олонцеком земляке Николае Клеве как книгу о глубинной тысячелетней Руси и её древней культуре, которую и теперь ненавидят все наши европейцы. Потому и Клюева отодвигали в сторону и в начале оттепели, когда уже реабилитировали Мандельштама и других репрессированных поэтов, и в начале перестройки, когда публиковали даже самых лютых антисоветчиков, но только с европейским уклоном. Вот потому мы только сейчас, во втором десятилетии нового века, дождалась подробной книги о северном кудеснике слова.

Вряд ли Николай Клюев мог бы стать столь народным поэтом, как его младший брат Сергей Есенин, но несомненно, что истоки клюевского творчества глубиннее, архаичнее, чернососнее...

Впрочем, это хорошо понимали оба поэта. Клюев чувствовал в Сергее Есенине огромную поэтическую мощь и потому мечтал возвести его на русский поэтический престол: “Изба – питательница слов // Тебя взрастила не напрасно: // Для русских сёл и городов // Ты станешь радуницей красной”. Себя Николай Клюев осознавал предтечей, предшественником Есенина, который донёс народное слово до письменной литературы.

Николай Клюев опирался на уходящую в глубь веков народную традицию, народное творчество. Его стих словно не нуждался в развитии. В каком-то смысле он был статичен, как поморская гранитная скала, на которой высечены рождённые русским народом слова, запечатлён народный язык.

Сергей Есенин шёл дальше, спотыкаясь и падая, развивая русские поэтические традиции. Он должен был прийти до народа, дать ему своё поэтическое слово.

Николай Клюев нёс миру сокровенные народные тайны. А значит, и его религию, и его мистику, и его ощущение природы. Говорят, что крестьянин не чувствует красоту природы, лишь использует её дары: косит траву, рубит деревья... Всё творчество Клюева – опровержение этих измышлений интеллигентщины.

*Дух осени прянично-терпкий
Сулит валовой листопад,
Пасёт преподобный Аверкий
На речке буланых утят.
На нём балахоней убогий.
Но в сутемень видится мне,
Как свечкою венчик двурогий
Маячит в глухой глубине.*

Мир природы у Клюева всегда иконописен, он видит все тончайшие явления природы как часть единого православного мира. Природа у него религиозна, не исчерпывается лишь эстетическим или прагматическим предначением. Русская народная культура за тысячелетие Православия органично соединила Божеское слово и эстетическое чувство. Потому и восхищался поэзией Николая Клюева, казалось бы, не такой уж и близкий ему поэт Иосиф Бродский. Бродский писал: “Если в ту антологию (русской поэзии XX века. – В. Б.), о которой вы говорите, будет включена “Погорельщина” Клюева или, скажем, стихи Горбовского – то “Бабьему яру” там делать нечего...”

Вот тем и страшна была великая клюевщина для воинствующих безбожников, что опиралась в своём развитии на устойчивый крестьянский и православный мир. Сергей Есенин мог развиваться согласно своему времени, бежать вприпрыжку за комсомолом, носить цилиндр, писать богохульные стихи. У Николая Клюева такой возможности не было изначально. Он не шагал в ногу со временем, а пытался и само время при всех его громадных перепадах включить в себя – включить в свой керженский древлеправославный мир и большевиков, и Ленина, и саму революцию.

Для меня поэзия Клюева – ещё одно объяснение неизбежности самой революции. Народ не видел себя единым с барами, какими бы эти бары ни были хорошими и культурными. Он понимал свою правду и потому на первых по-

рах поверил в возможность установления “*мужицкого царства*”, увидел в Ленине своего крестьянского вожака, отсюда знаменитое клюевское:

*Есть в Ленине керженский дух.
Игуменский окрик в декретах...*

И не жестокость ЧК разочаровала *мужицкий народ*, даже не немыслимое количество инородцев в органах власти – русский народ всечеловечен и чужаков не боится! – а неприятие большевиками этого *мужицкого царства*, народной самобытности, да и самой народной культуры.

Сергей Куняев и открывал поэзию Клюева, как неизведанный нами мир изначальной русской жизни. И он прав, считая, что по сути своей Николай Клюев был чужд и всем поэтам Серебряного века, и всем советским поэтам. Он сам обрёл себя на тотальное одиночество, погрузив себя в мир никому неведомой народной поэзии.

Я думаю, свою поэтическую миссию в первом приближении Николай Клюев исполнил уже в 1919 году, когда вышел его “*Песнослов*”. Все скрижали народные на каменной глыбе из олонечских лесов были выведены! Ни в какие силки – ни властей, ни записных богословов, сужающих православный мир до узкого набора догм, – поэт не попал. Его Христос – это народный Христос, это не Христос монастырей и аскетических келий, а Христос, дарящий человеку всё многообразие живой жизни, ибо всё на земле – Божье творение. Любой земной быт неотделим от высшего духовного начала, сама крестьянская изба впервые в русской поэзии по-настоящему, без намёков на пейзаж, без потворства помещичьим дворянским взглядам, воспета Николаем Клюевым. Святая Русь у Клюева одновременно и красивая Русь, и народная Русь, и жизнелюбивая Русь.

Как говорит Сергей Куняев: “На Клюеве сосредоточилось очень много как в истории России, так и в революционной современности, потому что мало кто до сих пор отдаёт себе отчёт в том, насколько силен был религиозный компонент в революции начала XX века. Это было инстинктивное возвращение у многих к первоначально слышанному Христову слову, к первоначально прочитанному Евангелию...”

Поклонники Клюева из официальных православных кругов были явно разочарованы “*Песнословом*”, ибо нашли там вместо смиренного восхищения богатством всех проявлений, в том числе и плотских, русской народной жизни. Поэт, может быть, впервые донёс в книжную культуру народную реабилитацию торжества тела как одного из Божьих проявлений. Поэт сам сравнивал образ своего “*плотного*” Христа с бесплотным интеллигентским Христом русских символистов: “Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если для Белого Христос – только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне... то для меня Христос – вечная, неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагалище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой – вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний – огненный...”

Ещё большее недовольство звучало из коридоров новой комиссарской власти. *Избяной рай* был ими перечёркнут, *мужицкому царству* не нашлось места в *стальной* будущей России. Может быть, лишь это и загубило нашу *стальную* советскую цивилизацию? Жертвуя *мужицким царством*, нельзя построить прочно никакое другое...

В любой другой стране Николай Клюев был бы давно объявлен патриархом отечественной литературы – у нас следы *великой клюевщины* выжигают до сих пор. К счастью, они иной раз возрождаются из пепла. Вся наша блестящая деревенская проза, с “*Ладом*” Василия Белова и “*Последним поклоном*” Виктора Астафьева, вся тихая лирика от Николая Тряпкина до Николая Рубцова полны *великой клюевщиной*.

На скалистом фундаменте *клюевщины* стоит современная русская национальная культура. *Клюевщина* “*Песнослава*” – это ещё и завоевательная *клюевщина*, с надеждой на победу. Не страшны ей погружения в бездны преисподней – и оттуда вынесет его стих, как Божие творение. Недаром Клюева относили к “редчайшему в мировой культуре разряду подлинных мистиков, сумевших воплотить свой сверхчувственный опыт в людской речи...”

Думаю, что и Юрий Кузнецов погружался в свои бездны, вооружённый опытом Клюева. И Николай Тряпкин. И Станислав Куняев.

Сам Сергей Куняев в интервью нашей газете как-то назвал себя “многолетней архивной крысой” – грубо, но верно. Чтобы разобраться в творчестве Николая Клюева, во всех его противоречиях и взлётах, надо иметь гигантское терпение поисковика – на одном задоре и интуиции об этом не напишешь. Надо и самому принадлежать к племени неуёмных русских правдолюбцев. В книге Сергея Куняева о Николае Клюеве видны и высочайший профессионализм исследователя, и огромный труд архивиста, и глубинный русский патриотизм. Работал Сергей Куняев в целом над книгой лет двадцать, первые статьи о Клюеве вышли ещё в 1990 году. Как пишет автор: “В результате получается целый триптих – Клюев, Есенин, Васильев. Он вырос самым естественным образом. Клюев благословил Есенина, был его поводырём и учителем и успел благословить и Павла Васильева. Жизнь Клюева охватывает предреволюционное, послереволюционное время и почти полностью 30-е годы – время, уже описанное Сергеем Куняевым в книгах о Есенине и Васильеве. Но Клюев – это ещё и начало века, 10-е годы. Именно в этом отрезке времени завязывались все те узлы, многие из которых приходилось потом развязывать или рубить, а некоторые так и остались неразвязанными и неразрубленными” (“День литературы”, 2007, № 5).

Николай Клюев отчётливо, с пророческим пониманием видит крушение не только *избяного рая*, но всего крестьянского мира, а с ним и русского национального мира. И уже пишутся не скрижали народных потаённых откровений – пишется плач по уходящей мужицкой Руси. Вот так и появились его “Погорельщина” и “Песнь о Великой Матери”. Не надо воспринимать этого поэта как сумрачного мракобеса, отталкивающего от себя цивилизацию. Блестящий знаток мировой культуры, он и в нашествии машин не видит ничего опасного, если эти машины служат душе человека, служат земле, на которой человек живёт. Он уверен, что “только в союзе с землёй благословенное железо перестанет быть демоном, становясь слугой и страдающим братом человека...” Он искренне сожалеет о разрыве с режимом, о своей ненужности советской власти.

Когда его от всего мира занавесили злостной клеветой и доносами, Николай Клюев писал Сергею Есенину: “...порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе”. Задуматься бы об этом и нынешним властям! И как ответ всей пишущей о нём бесовщине: “Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесённой снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему ж русский берестяной Сирич должен быть ошципан и казнён за свои многопёстрые колдовские свирели – только потому, что серые, с не воспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометчиво утверждая, что товарищ маузер слакоречивее хоровода муз?”

В незаконченной большой поэме “Песнь о Великой Матери” Николай Клюев обобщает свой духовный опыт, пишет своё житие, как всегда прославляя реальные факты из жизни и подробности быта религиозным и мистическим мироощущением. Это и песнь своему любимому олонецкому Северу, русскому Поморью. Это и реальные встречи с современниками, и мистические встречи со святыми. Это и поклон последней Руси. К концу поэмы всё более нарастает тема гибели и обречённости народного уклада, несоединимости его с железной поступью того, что сегодня мы именуем глобализмом.

*Бежим, бежим, посмертный друг,
От чёрных и от красных вьюг,
На четверговый огонёк,
Через предательства поток...*

На мой взгляд, Николай Клюев – наиболее религиозный, а точнее – православный поэт в великой русской литературе. С одной лишь оговоркой. Его православие – это народное, *мужицкое православие*, а значит, и неприемлемое для некоторой части нашей политической и церковной знати. Но если и есть некая еретика в его писаниях и сказаниях, то она, думаю, целиком искупается и его судьбой, и его православным отношением к ней. Не случайно же в 1937 году, незадолго до своего расстрела, в предчувствии его, на пол-

пути от больницы до кладбища, в последнем известном нам стихотворении Николай Клюев всё так же признаётся в своей любви к России, и никаких проклятий, никакого чувства мести народу, не защитившему своего певца: “Люблю тебя, Расея, // Страна грачиных озимей!..”

Родился Николай Алексеевич Клюев 10 октября 1884 года в Кошугской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Ведёт свой род, как сам поэт говаривал, “от Авакумова кореня..” По крайней мере, духовная близость с *неистовым протопопом* ощущалась им до конца жизни, да и мученическая смерть их схожа. Жизнеописание поэта Сергей Куняев издал к 130-летию русского национального гения. За ним проглядывает подлинный “плотняной” Христос. За ним – всё ещё не исчезнувшее народное русское царство. Святая народная Русь.

Я бы назвал книгу Сергея Куняева целостным мифом о поэте, ибо только так можно было придать полноту повествованию о самом, может быть, загадочном национальном русском поэте. Сергей Куняев пишет: “Когда я только приступил к исследованию жизни Николая Клюева, то до конца не представлял, какая невероятно сложная работа мне предстоит... Клюев, как шаман или колдун, заставлял меня одними и теми же кругами несколько раз проходить при чтении каждого его стихотворения, чтобы, наконец, понять суть той или иной его строки. Творчество Клюева – это система “бездонных колодцев”. Образно говоря, тыходишь в один из них, начинаешь вычерпывать из него воду, до дна не достаёшь, и переходишь ко второму колодцу, который возникает на твоём пути... Иными словами, это было бесконечное стремление-соблазн дойти до сути, до корня, представить себе связь словесного древа поэта с общемировым деревом, ещё архаическим, с древнеегипетской, древнегреческой, древнерусской культурами. Только сейчас осознаётся его историческая миссия, роль его художественного слова, миссия, объединяющая современность и исторические пласты. ... Фразу “Сфинкс России” можно целиком применить к поэту Николаю Клюеву. Он был загадочен во всём. Клюева у нас привыкли представлять как человека чрезвычайно замкнутого в своём мире, как поэта, который в основном писал только для себя и намеренно отстранялся от современности. Мне удалось убедиться в другом: Клюев может многое дать современному читателю. Но для этого нужно вчитаться, понять систему сакральных смыслов, таящихся в его поэзии. Это я и стремился сделать в своей книге...”

О себе Клюев писал так: “Я – посвящённый от народа, // На мне великая печать, // И на чело своё природа // Мою прияла благодать”. Так о себе не мог сказать ни один из русских поэтов ни в XIX, ни в XX столетии. Как считает Сергей Куняев, именно благодаря мистичности поэзии Клюева сохранились его архивы. В НКВД в тридцатые годы тоже занимались изучением мистики, на всякий случай хранили и рукописи Николая Клюева.

“Допустим, дело закрыли, сдали в архив. Но зачем хранить рукописи? Есть у меня ещё одна догадка на этот счёт, – пишет Сергей Куняев. – В 1934 году ГПУ преобразовали в НКВД, где работал отдел, занимающийся различными изысканиями в области русской мистики. Я думаю, что сотрудники этого отдела держали в руках произведения Клюева, изъятые при обыске, в частности, “Погорельщину”, поэму “Песнь о Великой Матери” и другие стихи. Всё это было сохранено в деле именно по настоянию сотрудников отдела...”

Мне с юношеских лет доводилось знакомиться с жизнью Николая Клюева. У себя в Петрозаводске я встречался с краеведом Грунтовым, первым собирателем фактов биографии поэта, с Константином Азадовским, исследовавшим его творчество. Позже, в поездках по Америке, встречаясь с писателями из второй эмиграции, так называемого “Архипелага DP” – перемещённых лиц, – я общался с Борисом Филипповым, и он подарил мне составленный им двухтомник сочинений Клюева – по тем временам самое полное издание. Даже с учётом всего ранее мною прочитанного, книга Сергея Куняева поразила меня и дотошностью поиска, и цельностью созданного им образа русского поэта.